

75 ПОБЕДА! 1945–2020

НАШИ РОДИТЕЛИ ПРОШЛИ ГОРНИЛО ВОЙНЫ, ВЫСТОЯЛИ И ПОБЕДИЛИ

Цикл материалов о быстринцах, принимавших участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., продолжают воспоминания научного сотрудника Камчатской краевой библиотеки им. С.П. Крашенинникова Надежды Ивановны Курохтиной об отце Захарове Иване Александровиче – ветеране нашего района. Многие помнят этого спокойного, трудолюбивого, немногословного человека.

Напомним читателям, что проект, цель которого собрать как можно больше материалов о жителях Быстринского района, участвовавших в Великой Отечественной войне, задуман в честь 75-летия Великой Победы Быстринским районным этнографическим музеем. Курирует проект директор музея А.И. Сучков, сбором материалов занимается научный сотрудник музея Л. Ленкевичуте.

Мой отец, Иван Александрович Захаров, относился к первому поколению советской молодежи, о которой сказать, что на ее долю выпало немало жизненных испытаний, значит не сказать ничего. Родившиеся в Гражданскую войну, как никто другой, на себе в полной мере ощутили все тяготы послевоенной разрухи, перенесли сиротство, беспризорность, голод, познали ранний и непосильный труд.

В 1941 году в расцвете сил, в пору прекрасной молодости, в пору первых надежд на счастливое будущее стеной встали на защиту от фашистской орды своего Отечества. Они вынесли все ужасы Великой Отечественной войны, прошли её горнило и победили. Победили ценой своих жизней, безвозвратно оставив большинство своих однополчан на полях кровопролитных сражений.

Мой отец, ветеран Великой Отечественной войны, родился в 1920 году в Куйбышеве (ныне Самара). Он был единственным ребенком в редкой по тем временам обеспеченной и благополучной семье. Отец его был инженер-мостостроитель, мать – домо-

хозяйка. В 1930 году случилось несчастье: отец погиб в аварии при возведении очередного моста через Волгу. С его уходом из жизни из дома ушло благополучие.

В 1932 году в нашей стране разразился катастрофический голод. Его причинами считают разное: революцию, советское государство, Сталина, преступную целенаправленную правительственную политику. Но мои родители, будучи тогда еще в детском, но уже в сознательном возрасте, вспоминая это страшное, губительное время, объясняли его небывалой в стране засухой. За лето не выпало ни одной капли дождя. Все посеяны и посажены выгорели на корню. Особенно от засухи пострадали жители Среднего Поволжья. Лютый голод гнал их с обжитых и насиженных мест туда, где, казалось, будет хоть чуточку, хоть немножко полегче, посытнее.

Так, двенадцатилетним ребенком, мой отец со своей матерью отправился к родным в Астрахань, где, они надеялись, им помогут, и появится хоть какая-то возможность пе-

режить грянувшее лихолетье. В пути, за крошку хлеба, мизер еды они брались за любую тяжелую работу: разгружали баржи и

пароходы, нанимались в батраки. Заработка хватало, наверное, только сыну. Потому как мать (моя бабушка), так и не добравшись до возжеленной Астрахани, умерла по дороге от голода. Похоронить ее помогли какие-то случайные люди – два дяденьки (добрая им память).

Так, двенадцатилетним, мой отец остался один в незнакомом и чужом месте. Беспризорничал. Пытаясь вернуться в Самару, перемещался на крышах поездов, в угольных ящиках, бродяжничал. Чтобы

не пропасть с голоду, на речных пристанях, железнодорожных вокзалах изустно рассказывал стихи, пел песни, просил милостыню, но никогда не воровал. Находились жалостливые люди и, отрывая от себя, подавали на пропитание крохи. Попал в детскую колонию, где его через какое-то время нашел приехавший с Камчатки в отпуск родной дядя. Брат отца в 1933 году был вывезен на Камчатку в числе голодающих с Волги переселенцев. Дядя устроил племянника жить к каким-то знакомым, отправил в школу, обеспечил

как можно мог, всем необходимым и до окончания школы переводил с Камчатки на его содержание деньги. После окончания семи классов дядя вызвал племянника на Камчатку. Несмотря на юный возраст до Петропавловска отец добирался самостоятельно. Путь был неблизкий, с транспортом тяжело, но самым трудным и длительным было ожидание парохода во Владивостоке. Местом обитания камчатских пассажиров был морской вокзал. Пребывание в нем

порой продолжалось неделями. Здесь и тогда отец приобрел своих первых камчатских друзей. Среди них на всю жизнь стали друзьями работник областной типографии В. Шишкин, будущие председатели колхоза им. В.И. Ленина М.К. Старицын и директор городской школы № 14 А.А. Кочетков. Они и помогли отцу на первых порах как-то устроиться в Петропавловске.

К этому времени он был образованным (7 классов это было очень много) комсомольцем, начитанным, знал и читал наизусть не только стихи, но и большие отрывки из классической прозы. Чтение книг у него было не просто любовью, а настоящей страстью. Дядя его хорошо одел. Отец стал работать массовиком-культурником на кавасаки (маломерные суда) Моторно-рыболовной станции. Был заведующим библиотекой, много занимался комсомольской и общественной деятельностью, был собкором областной газеты «Камчатская правда».

Конец 1930-х годов – время активного заселения Камчатки, и полуостров тогда по отношению к другим краям страны был одним из са-

мых благодатных, да еще и рыбных мест. Здесь отец за много лет впервые досыта наелся, почувствовал себя кому-то нужным, необходимым. По комсомольской линии был даже награжден путевкой на отдых в Гагру. И полюбил Камчатку на всю жизнь. Предвоенные камчатские годы для него были самыми счастливыми в жизни. В 1939 году через горком комсомола был направлен на учебу во Владивосток в коммерческую школу, но поработать по приобретенной специальности практически не успел. Вскоре его призвали в ряды Красной Армии.

Взращенный государством, воспитанный советской школой, советским обществом, комсомолом, отец был преданным, благодарным, глубоко любящим свою Родину молодым человеком, который честно пошел отдать ей свой почетный долг. Конечно, таким тогда он был не один. Сейчас мы можем только удивляться, как еще неокрепшая после революции страна за двадцать с небольшим лет смогла вырастить, обучить, выковать поколение, которое, не сетуя на трудности, ни на что не держа обиды, ушло на страшную кровопролитную войну и, защищая Родину, спасло от фашистского зла не только свой народ, но и все человечество.

А оказывается все просто. Государство и народ были едины. У них были общие задачи и цели, и трудности у них были тоже общие.

(Продолжение следует).

75 ПОБЕДА! 1945–2020

(Продолжение. Начало в
№ 22 (6437), 30 мая 2020 г.)

СЛУЖБА В РЯДАХ КРАСНОЙ АРМИИ

В армии отец прошел обычный для призванного путь. После короткого обучения участвовал в боевых событиях на Хасане. Тогда получил свою первую награду – медаль «За боевые заслуги».

В 1940 году его перевели в базирующийся в Хабаровске полк связи. За грамотность и безупречную службу вскоре его взяли в штаб, вначале порученцем, потом писарем (была и такая должность), затем казначеем. Тогда же ему присвоили первое офицерское звание

– младший лейтенант. В это же время отец познакомился с мамой Александрой Васильевной. В рамках штабных поручений отправлял на главпочтамте секретную военную почту, а мама там была телеграфисткой секретного канала связи. Вскоре поженились и, разделяя все трудности и сложности, все радости и печали, прожили вместе пятьдесят с лишним непростых лет до ухода из жизни мамы.

В 1941 году в первый военный призыв вступил в ряды коммунистической партии. Просился на фронт, но его оставили служить в резервных частях Дальнего Востока. Здесь в любой момент ожидали нападения Японии. Кристально честный, трудоспособный, требовательный к себе и другим, в 1942 году он стал начальником интендантского снабжения. Трудно представить, какая ответственность легла на его молодые плечи. Как многим сейчас кажется – теплое

место. Отцу всего 22 года, а в его руках миллионы денег, документы, накладные, фактуры, расчеты, отчеты, распределение материальных ценностей, довольствие, обмундирование, офицерские аттестаты, пайковые карточки. Все надо довести до конечной цели, отконтроли-

ровать, проверить. За малейшую ошибку, промашку – трибунал, за недосмотр хищений – расстрел. По этому поводу вспоминается эпизод из фильма «Освобождение». Жуков обходит боевые позиции. Холод. Перед ним в летней форме промерзшие подольские курсанты. Причина – что-то не успел исполнить интендант. Приказ Жукова: «Курсантов переодеть, интенданта под трибунал».

9 августа 1945 года с началом войны с Японией отцу присваивается звание старшего лейтенанта, и он становится начальником финансовой части в действующей армии 2-го Дальневосточного фронта. Занимаясь снабжением и финансами воюющей армии, ему приходилось бывать в непосредственных местах сражений. Здесь он получил еще одну боевую награду – медаль «За отвагу». Как говорят военные специалисты: «Грамотная военная экономика – основа победоносности

любой армии». И еще до сих пор заслуженно не оценили в дело общей победы вклад скромных военных финансистов и интендантов. Он или забыт или о нем вообще ничего не знают. После окончания войны отец в должности начфина служил еще долгих восемь лет.

ПЕРЕЕЗД НА КАМЧАТКУ

Я родилась в 1944 году и уже многое помню из нашей жизни в первое послевоенное десятилетие. Семья наша к этому времени состояла из пяти человек. Отец с мамой, мы с сестрой и бабушка. Опытных финансистов не хватало, и отца часто переводили с места на место. По первому приказу снимались с только что слегка обжитого места. Мотались (хорошее слово) по гарнизонам, военным точкам, где формировались танковые или авиационные подразделения. Вначале Приморье. На слуху Бичевая,

Филины, Краскино, Барабаш. Отца дома практически не видели. Уходил, скорее всего, убежал рано. В шесть утра уже был на службе, на обеденный перерыв просто влетал, а через полчаса исчезал из дома. Он очень любил чтение и за этот коротенький отдых старался что-нибудь почитать. Штабной офицер, он постоянно принимал участие еще и в полевых учениях.

С врожденной честностью, педантичностью, аккуратным, требовательным и строгим, он все свои финансовые дела содержал в полном порядке. Никаких недоплат, растрат, хищений при нем никогда не допускалось. За долгосрочное, безупречное, бескорыстное служение ему, наконец, стали предлагать переводы в очень престижные места. Московский военный округ, Белорусский, на Черноморье. Но отец попросился на свою любимую Камчатку.

В 1948 году умерла наша кормилица и хранительница дома, так и не дождавшись ни одного сына с фронта (их было трое), моя любимая бабушка.

Продолжение на стр. 2.

НАШИ РОДИТЕЛИ ПРОШЛИ ГОРНИЛО ВОЙНЫ, ВЫСТОЯЛИ И ПОБЕДИЛИ

Похоронена на солдатском кладбище в военном городке Барабаш.

В октябре этого же года, побросав все нажитое бабушкой еще до войны (кое-какую мебель, посуду), взяв с собой только мягкие вещи и некоторые ценности (патефон, пластинки, книги), мы отправились на Камчатку. Радовался только отец. Кроме нас с сестрой, у мамы на руках был еще и грудной брат, и она, естественно, пребывала в большой тревоге. Не буду описывать наши перипетии во время переезда. Но то, что мы пережили раньше, в сравнении с Камчаткой показалось милыми радостями. В 1948 году это был необжитой и необустроенный край. Жилища, которые нам предоставляли, если их можно было назвать таковыми, были убогими, тесными, с маленькими оконцами, запущенными, с клопами. Удивительно только, как мама все это мужественно воспринимала. Вдохнув, она мыла, скребла, белила, оклеивала, травила, развешивала привезенные с материка шторы, вышивки, салфетки, кружавчики, растила половички. Как-то решали проблему с кроватями, столами, табуретками (стульев здесь тогда вообще не было). Нам с сестрой зачастую приходилось спать на полу на солдатских матрасах, грубо сбитых деревянных топчанах, укрываться колючими одедами. Однажды пришлось пожить в солдатской казарме. Там, за брезентовой перегородкой, в небольших каморках, похожих на монашеские кельи, проживали все офицерские семьи.

Оттапливались буржуйками (железные печки). Самое ужасное воспоминание из детства. Когда топится – невыносимая жара, остыла – вокруг мгновенно воцаряется промозглый холод. В шесть утра просыпался под зычный крик дневального: «Подъем!»; ночью – под команду: «Боевая учебная тревога!». И наши отцы, независимо от должности, вместе с солдатами бежали на учения. Но никто не ныл, не жаловался, жены не скандалили, а понимали и терпеливо ожидали, когда освободится жилье поприличней. Нам в этом плане приходилось похуже, чем другим, так как начфин мог перевестись на новое место службы только передав дела своему преемнику. Этот процесс иногда затягивался, и жилье, предназначенное нам, подолгу не освобождалось.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

На Камчатке отец начал службу в военном госпитале на 75 участке в Петропавловске. Там мы заняли столарку в земляном бараке через тонкую стенку с офицерами. Через год перевелись в Южные Коряки, где базировался крупный авиационный полк для испытания авиационной техники нового поколения. Здесь впервые прослужили почти два года. Кругом летчики-

красавцы, в замечательной форме, кудрявые чубы, улыбки... Многие хорошо пели, играли на различных музыкальных инструментах. До сих пор звук аккордеона у меня вызывает трепет. Наряду с баяном у военных это был самый любимый инструмент. Часть летного состава перелетела вместе с самолетами прямо из Берлина. Помнится популярная из того времени песенка, даже мотив помню: «Летчики-пилоты, бомбы-пулеметы – вот и улетели в дальний путь. Вы когда вернетесь? Я не знаю, скоро ли? Только возвращайтесь хоть когда-нибудь!»

Молоденьких жен пилотов называли «летчицы». Днем и ночью гул самолетов. В небе то истребители, то бомбардировщики, учебные полеты и, очень опасные, слепые ночные полеты, затажные прыжки с парашютами. Новую технику осваивали летчики-испытатели, по тем временам почти космонавты. Среди них и бывшие фронтовики, и даже Герои Советского Союза. Кстати, в этой части служил командиром какое-то время Серёгин, с которым позднее погиб в одном из испытательных полетов Ю. Гагарин.

Технически несовершенные самолеты нередко имели обыкновение разбиваться. Гибли пилоты, гибли парашютисты. Их утрата была всеобщим горем маленького гарнизона. Похороны останков: иногда хоронили то руку, то ногу, то шлем. Траурная музыка, плач «летчиц», скорбь сослуживцев, товарищей. Где сейчас это забытое летное кладбище? Наверное, о нем, кроме меня, уже никто не помнит и не знает. Ведь это происходило 70 лет назад. Поросло оно скорее всего травой, и быльем. И нет там никакого памятного знака, стелы или обелиска, где бы были запечатлены имена героев теперь такой далекой эпохи.

Прожили мы в Коряках почти два года. Это было здорово! Появились знакомые, соседи, у нас с сестрой – подружки, начали коллективно справлять праздники, ходить в гости. Здесь в стареньком тесном сельском клубе мы с сестрой начали смотреть кино. Один из первых фильмов, который мы с ней увидели, был «Зоя». Пришли домой заплаканные и несчастные. В момент, когда Зою Космодемьянскую вели на казнь, зарыдал весь клуб: плакали офицеры, солдаты, взрослые гражданские люди, вместе с ними и мы, дети. В этом клубе состоялась моя первая новогодняя ёлка, здесь с сестрой мы побывали на концертах гастролирующих по Камчатке эстрадных артистов и цирковых лилипутов.

А у отца, по-моему, служебных обязанностей прибавилось еще. Он даже на обед не прибегал, и вечером приходил очень поздно. Нашими были только праздничные и редкие выходные дни. Надо отметить, что на Камчатке жизнь была

посытнее, чем на материке. Там никаких вкусностей не видели вообще. Здесь в обычный паек наземного офицера (отец никогда не позволял воспользоваться служебным положением и добавить себе чего-нибудь сверх положенного) стали включать сливочное масло, сгущенное молоко, яичный порошок и даже повидло. Давали очень много солевой красной рыбы. К рыбе мы были не привычны. Её ел в вымоченном и отварном виде только отец. Оставалось ее много. Мама раздавала рыбу гражданским, которые питались совсем скудно и очень радовались неожиданному подарку. Возможно, паек здесь был действительно побогаче, а может, это было начало 1950-х годов и во всей стране уже наступило некоторое благополучие.

В Коряках впервые мама вырастила картошку. До этого картошка была у нас только сухая (ужасная гадость). Развела кур. Курица-наседка досталась от командира части В. Попкова, семья которого соседствовала с нами до их перевода в другую местность. Наседка хорошо высиживала и водила цыплят и потом переезжала с нами к новым местам службы.

В то же время на 26 километре Елизовского шоссе начали формироваться крупные авиационные подразделения, и тут же приступили к строительству большого военного аэродрома для приема реактивных самолетов. Тот построенный аэродром, вплоть до нашего времени, обслуживал также гражданские воздушные суда и сейчас, скорее всего, он действующий.

Авиационные части в Коряках подлежали перебазированию, и в конце 1950 года отец в должности начальника был переведен сюда. Но проживали мы на 24-м километре, где был штаб, и формировалась авторота для строительства аэродрома. Рядом – гражданское кладбище, которое принимало прах многих летчиков-испытателей. Сколько их там, «сталинских соколов»? Кладбище еще сохранилось, и для меня оно до сих пор летное.

На 24-м километре, после проживания в вышеописанной казарме, мы перешли в новый, постро-

енный специально для семейных офицеров, на четыре семьи, дом. Бывало в нем протекала крыша, дымилась печка. Но это была наша квартира, а под окнами наш огород. К 1953 году точка на 24-м километре превратилась в маленький военный городок. Было построено еще несколько офицерских домов, добротный солдатский клуб (раньше кино демонстрировали в какой-то тесной низкой землянке, а летом – ночью на улице). Были высажены тополёвые аллеи, появились спортивная площадка и городовой корт.

О ПОДВИГАХ ФРОНТОВИКИ РАССКАЗЫВАТЬ НЕ ЛЮБИЛИ

Слово «дедовщина» не существовало в принципе, так как офицеры проводили день и ночь с солдатами или в казармах или на учениях. Среди офицеров было много боевых. Они не имели статус ветеранов войны, а были просто фронтовиками. Награды носили только по торжественному случаю и военным праздникам. Не имели ни льгот, ни преференций. К нашему сейчас сожалению, не любил вспоминать войну, рассказывать о своих подвигах. Я, например, до сих пор не знаю, за что конкретно отец получил свои боевые медали. Казалось, наоборот, старались побыстрее забыть об этой страшной странице в своей жизни. Мне вспоминаются их добрые, славные и совсем не ожесточенные военным кошмаром лица. Никто не требовал к себе особого отношения, личного внимания, поклонения. Уважительность проявлялась к ним только в двух коротких словах: «Он фронтовик».

РОДИНУ ЛЮБИЛИ ТИХО И БЕЗЗАВЕТНО

Сейчас, погружаясь все больше и больше в ту далекую эпоху, все время думаю, кого мне напоминает мой молодой, подтянутый, красивый отец? Володю Шарипова из фильма «Место встречи изменить нельзя». И таких Шариповых в армии тогда было большинство. Они не рассуждали о любви к Родине, не трепали слово «патриотизм», не трубили о

своем героизме. Родину они любили тихо. Будучи людьми чести и долга, мужественно отстояли ее от врага, а после – подняли из руин.

В 1953 году после смерти Сталина началось бездумное массовое сокращение армии. Особенно пострадали кадровые военные, которые к этому времени прослужили в ее рядах по многу лет и, по сути, не были готовы к другой деятельности, другой жизни. В тяжелейшей ситуации оказались летчики. Гражданская авиация была не развита, а они ничего, кроме как летать, не умели. Я помню вскипавшие слезы на глазах авиаторов.

Отца отправили в запас. С финансовым опытом он пошел в торговлю. Но какого ему там было? С его-то скрупулезностью, честностью и требовательностью во всем? Приживаться к новой гражданской обстановке ему было чрезвычайно сложно.

Да что там говорить о простых военнослужащих. Не нашли своего места в мирном времени много боевых командиров, генералы и даже маршалы. Г.К. Жуков и тот не смог сориентироваться в море политических хитросплетений, интриг, мелких человеческих пакостей. В силу чего он и не реализовал в полную силу свои возможности, талант в долгожданной и им же завоеванной мирной жизни.

За многими примерами, вообще-то, далеко ходить не надо. Даже в нашем Эссо, кто из нас, детей, мог знать тогда, что пекарь Быстринского района А.С. Пеншин еще недавно был офицером-минометчиком. А это один из самых уязвимых и опасных родов войск, и мало кто из минометчиков вернулся с войны домой. Что уборщица тетя Фрося Сидоренко добровольно прошла с боями от Харькова до Берлина. Что фельдшер тетя Фая Пекина всю войну прослужила фронтовым медиком. Что Саша Усачев, над дефектом речи которого по-доброму посмеивались односельчане, участник Курильского десанта, ходил в разведку, и что Михаил Грушко в ходе этого десанта был санитаром. И что мой дед, тот самый дядя Н.К. Захаров, который в тридцатые годы спас отца от голода и сиротства,

отдал все свои предвоенные сбережения. Их хватило на строительство целого танка, за что имел личную благодарность от Сталина, а потом вместе со всем мужским населением был призван на укрепление Усть-Камчатского порта и охрану водных границ западного побережья Камчатки, а среди них наши современники и старожилы: П.Г. Кузнецов, И.К. Петров, И.П. Чуркин. Мы даже не знали, что у бабушки Шигаревой погиб сын Леня – выпускник нашей школы; что участники войны дядя Гена Девятьяров и дядя Андрей Пеньшин были сиротами и на фронт ушли из детского дома. Отцы наши молчали, а мы по своей детской недалекости не спрашивали. Да и не принято было, спустя пять-десять лет после войны, много о ней говорить. Ну знали, что они воевали, а тогда все воевали.

А кто бы тогда мог подумать, что среди наших дорогих малочисленных эссов так много настоящих героев. Некоторые погибли, защищая Ленинград, Курск, Сталинград. Некоторые дошли до Берлина и вернулись невредимыми. А среди вернувшихся – И.И. Солодилов, единственный из камчатцев участник знаменитого Парада Победы 24 июня 1945 года. А ведь он еще долго был с нами. Не приглашали их тогда ни на комсомольские собрания, ни на пионерские сборы, не устраивали встречи с молодежью. А сейчас их нет, и поговорить не с кем, и спросить не у кого.

Очень трудно по детским впечатлениям воссоздавать реальную картину уже далекой жизни, но я очень старалась, и думаю, что мне простятся некоторые неточности в датах, в событиях, названиях воинских подразделений. Главное сейчас – сохранить для потомков хотя бы то малое, что помним мы о трудном детстве и военной молодости наших родителей. Оставить о них добрую память в сердцах их внуков и правнуков.

И я очень благодарна сотруднику Быстринского музея Лайме Ленкевичуте за то, что она подвигла меня описать все то, что помню и знаю о воинской службе отца. Сама, наверное, я бы не собралась.

А отец всю жизнь гордился тем, что был бесконечно предан Родине и беззаветно служил ей.

Н.И. Курохтина,
научный сотрудник Камчатской краевой научной библиотеки им. С.П. Крашенинникова, заслуженный работник культуры РФ.

Справка. Из армии Захаров Иван Александрович был демобилизован в звании капитана по выслуге лет в 1953 году. С 1955 г. работал в с. Эссо: в рыбкопе, завхозом на почте, мастером ДРСУ, рабочим в стройконторе и в совхозе «Быстринский».

Умер 26 января 1998 г., похоронен в с. Эссо.

На фотографии: Иван Александрович – начальник интендантского снабжения (третий слева). 1942 г.